

И Р О З А

Евгений Кушнер

ФУРГОН МАКАРОВЫХ

"Нельзя объять необъятное".

Козьма Прутков

"Интерес к мистике - это в наше время, ну прямо, поветрие. Впрочем, не только в наше время", - думает Макаров, выходя из столовой. Плотно позавтракал: щами из квашеной капусты, сосисками с макаронами и двойным кофе со слоеным пирожным. Он любит забегаловки, несмотря на то, что выходит дороже, чем дома; все равно - сытней и как-то солидней.

Начало десятого. Светает. Очень приятное время суток.
Зыбкое.

По Загородному, в сторону Владимирской.

Курит. Оглядывается по сторонам, можно подумать - кого-то потерял. На самом деле Макаров никого не потерял, а оглядывается по привычке. Неоновые вспышки троллейбусов, мокрая жижища под ногами, толкотня и трескотня прохожих. Некоторые, точно заложников, тащат связанные ёлки - предновогодняя суматоха, шум, гам, тараoram. Не любит Макаров народные скопления. Поэтому и устроился сторожем на складе - по крайней мере, спокойно. Есть возможность подумать, поразмыслить и все такое. Теперь, сдав смену, неторопливо домой, на Петроградскую.

"Мистика, мисс Тина - персонаж романа. Человек тянется ко всему загадочному, когда ему попросту нечем заняться. Трудно представить мистика, погруженного в повседневный труд. От безделья, исключительно от безделья...", - шепчет Макарову внутренний голос, должно быть, чтобы тот не впадал в излишнюю эйфорию. В последние дни стало мерещиться, будто познал, точнее, приблизился к чему-то самому главному, необыкновенно-му и неизведанному. "Это всегда так. Типичная отговорка шайолая", - неугомонствует в.г., с которым, увы, согласна жена.

Вернее, даже так: в.г. и возник-то в результате её упреков, типа: "Здоровенный мосёл, а приносишь 90 рублей. Не стыдно?.."- ну и так далее. Уважает всякие шмотки, которые Макаров, понятно, предоставить не может. Что же касается философии, то жена до нее абсолютно никакого дела нет /что, кстати, еще понятней/. Вот и получилось резиновое молчание, нарушающее, ну разве изредка: "Масло есть?" или "Который час?"

"Грустно, грустно это всё, - думает Макаров, проходя по Фонтанке мимо цирка, - так ведь и жизнь пройдет, а это чужое рядом, рядом. Зачем, спрашивается?.. Развод затевать - тоже вроде нелепо, вроде - ни с того, ни с сего..." Захоронение статуй в Летнем саду почему-то напоминает фразу из популярного кинофильма: "и мертвые с косами стоять... и тишина!.." Действительно. Тишина. Макаров присаживается на скамейку, заскуриивает вторую папиросу, смотрит в небо. В небе светлеет.

Почесал бороду. Поморщился. Поискав ногой затерявшийся тапок. Нашел. Улыбнулся. Иногда он ощущает довольно продолжительные временные провалы /или застой/. Не может толком сказать ни какое число, ни месяц, ни даже год. Ему кажется - пространство ограничивает время по некоему заданному периметру, и тогда повседневное теряет значение. Я закомплексован, застенчив. С детства не выношу посторонних взглядов /во всех смыслах/. Но стоит хоть немного задуматься - окружающий мир отступает на задний план, а с ним и обиды, и нервы, и комплексы. Хочется стремиться куда-то то ли вверх, то ли вниз, заскружиться, потеряться, вынырнуть уже в другую реальность. Другим человеком. И так, чтобы всё было вновь; свежим, легким и немножко призрачным. Последнее, как говорится, для реквизиту.

Он сидит в кресле, закинув ногу на ногу, в окне обшарпанная стена соседнего сталинского дома. Где-то я ошибся, - думает Макаров, - где-то допустил промашку. Однажды кто-то написал: "Когда читаешь Бунина, возникает образ человека, глядящего в звездное небо..." Так ведь это про меня! Хотя прозы пишу, да и в небо смотрю не часто - всё равно. Внутренне

устремлен туда. Куда? В небо? Нет, скорее, куда-то вглубь...
Только не себя /про себя давно уже всё понятно, собственно,
и понимать-то особенно нечего, ничего такого особенного и
нет^{x)}/, а в некую Общую глубь. Более того, в идеале, каждый
человек просто обязан смотреть в эту "Общую глубь". Иными сло-
вами, каждый человек - философ? Потенциально - да. Чушь. Это
твоя индивидуальная глупь - и не больше, - в.г. И вообще,
кончай заниматься фигней, подумай лучше о том, что скоро, гля-
дишь, весна, у Леники сапоги протекают. Значит, надо либо чи-
нить, либо новые доставать. И то и другое накладно, придется
выкручиваться. Каким образом? - вот и подумай. "Сапоги - да.
Сапоги - это, конечно, да, непременно, но ведь..." - и Мака-
ров опять погружается в свои сокровенные мысли о начале все-
лennой, о единстве пространства и времени, о неимоверном скоп-
лении энергии, затем - толчке, выбросе триллионов звезд, сис-
тем, галактик, ну и тому подобное. И кажется ему, что всё
остальное - чепуха, и уж, разумеется, какие-то там сапоги.

Жена, между тем, входит в комнату, смотрит на Макарова,
качет головой.

- Э, слышь?

Не слышит.

- Очнись, Володя! Тыфу, опять за свое, о господи. Опять
эта несчастная медитация, - вытирает мокрой тряпкой пыль со
шкафа и тумбочки. - Вова, ну!

Макаров смотри вдаль неморгающими глазами. Жена подхो-
дит, треплет по плечу. Бесполезно. Она тяжело вздыхает, выхо-
дит из комнаты. Макаров остается сидеть в той же позе. За ок-
ном темнеет.

Х Х Х

Это ад какой-то, это пытка, а не жизнь. Одиночество,
юлчание. Постоянная подавленность чем-то. Знать бы хоть -
чем? Раньше гости приходили, как-то было веселей, а нынче?
тром, видите ли, "болтать" нельзя, утром - "думать". За обе-
юм - тем более, ну, а вечером медитация, и тут - всё; даже

---

^{x)} Интересная мысль! - в.г.

в комнату лишний раз не войдешь. А когда общаться? когда говорить? жить когда?! Не замечает, смотрит, как на мебель. Хмырь надутый. Чувствуешь себя абсолютно не нужной, а главное - еще и виноватой в чем-то. Иной раз так взглянет, будто я жизнь испортила, будто Я сгноила его в этой паршивой дыре. Брошу все к чертям, уеду к маме в деревню, и провалюсь сна прошадом, эта прописка, этот город, этот сущеный Макаров! Там хотя бы воздух свежий; и никто не будет смотреть как на дуру. Ведь что нужно-то, если вдуматься? Не так уж много. Ну, чтоб не презирали, чтоб как к равному это самое, ну... внимания хотелось бы немножко; хоть бы раз руку на плечо положил, улыбнулся бы, подурачился бы, что ли...? В сущности, я не требую от жизни каких-то несказанных благ, так..., самое элементарное, - думала Елена, прополаскивая мужнин рубашки. В ванной было жарко, она стояла полураздетая, иногда поглядывала в зеркало. Молодая симпатичная женщина. И принадлежит этому... не понятно, кому. Ради чего, спрашивается? Ради какой-такой идеи-принципа? Либо на работе, либо в кресле перед окном, в неизменной позе - нога-на-ногу. Молчит. Причем, не просто молчит, а как-то тягостно-тяжостно. Может, он того-этого? съехал масть? Вот и ведет себя необычно. Она вспоминает - гъда три-четыре назад /когда познакомились/ он все же не был таким. Ну, некоторые странности - это одно, все мы, как известно, со странностями, но такими... нет, не был. Особенно невыносимо стало в последние дни. Любой ее жест, слово вызывает раздражение. Да что ж ей - на цыпочках ходить?! В конце концов, хозяйка она в своей квартире или кто?! И почему, если он мрачен, как туча, все обязаны быть такими же! Сухарь! Гном пришибленный! Никуда не пускает; ему, наверное, доставляет удовольствие её мучить. Она для него все: стирает, одевает, готовит вкусные обеды, а он как на зло - норовит по столовкам. Издевается. Боже! За что такая участь! Почему она должна самые лучшие годы похоронить в этом болоте? Другие ходят с мужьями в ости, в кино, обсуждают все подряд..., эх, да что там!..

Елена вытирает слезы и принимается с осторожением выкручивать рукава рубашки, будто это она виновата во всех горестях.

А Макаров так и сидит в кресле напротив окна. Он может просидеть час, два, много часов, дней и т.п. Пока не поймет Самого Главного. Интересная деталь: если попытаться его сформулировать — суть, возможно, потерянется. Макаров в растерянности, не знает, что предпринять, но твердо уверен: не сможет ничем заниматься, если "Самое Главное" так и останется не постигнутым.

Макаров не слышит звуков, не ощущает ни тепла, ни холода, он — слит в одну точку, которая по каким-то неведомым причинам расширяется, сужается, стремясь одновременно в обе стороны — и к максимуму, и к минимуму до бесконечности. Когдато вселенная тоже заключалась в одной точке. Из-за стремления к максимуму бесконечности за счет колossalного скопления энергии произошел взрыв, точка разлетелась в разные стороны — получилась вселенная. Так считают некоторые ученые. Жожалуй, кое-как можно представить. Но это касается пространства. А время?! Как с ним-то быть?! Как сконцентрировать его в одном пункте? Тут и зарыта самая матерая собака. Действительно, время и пространство, вырывающееся из одной точки, так магма из кратера вулкана... — это ж свихнуться! Жена, стати, и считает, что он с прибабахом. Каждый раз подчеркивает всем своим видом. Думает, он не замечает. Да всё он замечает, всё! Просто есть дела, куда поважней семьи и прочих словностей. И пока их не разрешишь... — короче, ясно.

В детстве Макаров любил представлять себя в разных фантастических ситуациях и среди них чаще всего в такой: предположим, ему дается возможность высказать людям, всему человечеству, что-то самое сокровенное, самое важное, на его взгляд... то? Теперь знает определенно. Люди, верьте в Бога! — сказал он. Но... в Бога ли?... Макаров усмехается, машинально теребит бороду. Нет, конечно, не в общепринятом религиозном мысле. Бог и церковь вообще не имеют ничего общего. Более ого. Ходить в храмы — пустая трата времени. Обряды, символы... язычество, одним словом. Это даже отвлекает от истинного понимания. Человек, по мнению Макарова, должен общаться

с Всевышним только наедине. И не молиться, а просто сознавать себя постоянно как малую частицу общего замысла, перерожденную и отделенную от Абсолюта, впоследствии обретенную на слияние с ним же. Бог – это бесконечность, выросшая из одного электрона. Зарождение всего: и духовного, и материального, сперва, разумеется, духовного. Но ни в коем случае не сам дух. Именно зарождение! Возникновение. Точнее, его парадокс. Женщина, рождающая ребенка, в миллиард раз ближе к Богу, чем любой, самый набожный священник, – в сущности, неудавшийся актер, еще на что-то претендующий. Божью волю, понимаете ли, исполняет. С Богом беседует... скажите пожалуйста! ...Да что за бред! Как можно беседовать с Моментом Рождения, вытекающим из вечности! Они-то /поны/ прекрасно знают, что чушь городят, специально пудрят мозги. Еретики. Циники.

Появление новой жизни – всё. Больше ничего не надо. Другой вопрос, что многочисленные земные рождения в свою очередь подчинены Первому Общему, и число их, ясное дело, не беспредельно; оно четко зафиксировано во Вселенском Духе. Соответственно, можно подсчитать изначально заданное количество комбинаций. Но молиться рождению, а иначе говоря, процессу оплодотворения... – нелепость! Главное, и не услышит никто. Господь ведь не дяденька с бородой, восседающий на облаке. Не к молитве нужно стремиться /бессмысленная растрата энергии/, а к исходной точке. Впрочем, Бог – это и всё, что есть вокруг, в частности, сизый пепел папиросы, электропроводка на стене, скороходовские ботинки, паркет, кресло, грязь под ногтями... Едино и неделимо, как небо. И ещё: мысли /скорость которых неизмеримо выше скорости света/ – наверное, тоже Бог...

На крыше соседнего дома появляется команда волосатых подростков. Усаживаются, достают пузырь. Понесло-поехало. Размахивают руками, кричат. Панки-металлисты. Как-то нелепо; как-то не вяжется с тем, что и они – ... Макаров щурит глаза, пытается разглядеть. Маленькие крапинки, отроки во вселенной. Неужели не задумываются? Интересно, о чём говорят? О чём вообще можно говорить, если всем своим существом чувствуешь... Хотя какое имеет значение? Важно, что они есть. Жить – это

уже полдела. Это уже почти означает — верить. Атеизм — самый ник чловеческой глупости. Джомолунгма абсурда. Существовать и отрицать Бога — все равно что отрицать факт существования. Почему при слиянии яйцеклеток возникает новая жизнь? Кто изобрел это чудо? чья заслуга? — Пушкина, что ли? Естественно, можно назвать как-то иначе, не обязательно Богом. Ну, скажем, природой или первоначалом, суть не изменится. Между прочим, церковь очень виновата перед людьми, так как сбила их с правильного пути своими театрально-бутафорскими выдумками. Уверла в какие-то мистические дебри. На самом деле нет никакой мистики, все логично и просто. Есть Бог, есть созданный им мир, эту истину в состоянии постигнуть любой, стоит лишь на минуту хорошенько задуматься. А происходящее на Земле не имеет принципиального значения, ибо и так все заранее предопределено, к чему мельтешить? Это уж свойство неугомонной человеческой натуры — не терпится, неймется. Насколько мудрее — сидеть в кресле или на скамейке в каком-нибудь пригородном парке, ничего не делать, никуда не спешить, только смотреть в небо и всем существом чувствовать величие мироздания. Ничего не делать — вот в чем смысл! И, как это ни странно звучит, — конечная цель! /еще не каждый потянет/. Пусть Бог распоряжается сам, а любое действие человека, даже самый пускяк, — в каком-то плане, кощунство. Избавляться от всех позывов, стремлений, желаний, добиться наивысшей кристальной внутренней пустоты, чтобы предоставить себя в полное распоряжение Бога... И кранты.

Люди куда-то бегут, спорят, что-то пишут, рисуют — чепуза. Всё временное чепуха, кроме самого времени, то есть вечности. То есть Бога. Да и вообще, пять миллиардов гомо-сапиенсов — по большому счету — всего один человек, обладающий акими-то и такими-то характерными свойствами. Господь — большой юморист, поэтому и создал нас на первый взгляд, якобы азными. Даже национальности придумал, расы — это уж совсем зекдот. А в принципе, людской мир един, как и животный, и каждая отдельно взятая особь ни хрена из себя не представляется, отличается от другого только внешне, но ни в коем случае

не обладает индивидуальным сознанием. Вседержитель постоянно трястется от хохота, глядя на наши страсти, распри и тому подобное. Любовь, искусство, религия, философия, государственные системы, уклады... что еще придумают эти жалкие муравьишки? Когда, наконец, они успокоятся и вспомнят о своем и всеобщем Создателе, о той силе, которая положила начало вселенной? Какой, если вдуматься, бред: один человек боится другого. Всё равно, что бояться самого себя. Ну - ты, ну - другой, ну - третий... - какая разница? Полное слияние с миром и с Абсолютом. Открытие Божественного дыхания во всем окружающем и в себе, осознание его, и тогда - вечная жизнь, ни капли не зависящая от физической смерти, которая всего-навсего перемена одежды; фикция; мыльный пузырь. Отмирает одна частичка, миллионы остаются, едино-многоликая человечина продолжает коптить, трепыхаться, чего еще надо? Как бы мы не барахтались, всё равно в результате соединимся в субстанции, поэтому с наивысшей точки зрения, разумеется, все мы одно лицо, как внешне, так и внутренне, $\neq$ тем более, что любые качества сами по себе заложены Первоначалом. Диапозитивы, слайды. Люди - это немножечко слайды, в них всё как бы заснято на пленку, запрограммировано. У верующего, точнее, понявшего, - цветное, у атеиста - черно-белое. Как обидно, что у Ленки - черно-белое, и проблеска не видать, и никакие беседы не спасут. А ты пробовал? - вклинивается в.г. Еще бы, сколько раз. Она даже не врубается, с чем речь. Ей скучно. А мне скучно, что ей скучно. Так и замкнулись каждый в своем. Так и живем. Готовит обеды, покупает салоны, юбки, по вечерам смотрит телевизор на кухне. Балдеет от каких-то режиссеров, фигуристов, певцов, а мне плевать на них, и, вижу, её это с каждым днем раздражает всё $\neq$ больше и больше. Небось, мысленно обзывают отупевшим истуканом, чучелом или как-нибудь в этом роде. Может, так оно и есть, да только не волнуют меня её житейские заботы, суета, не волнуют - и хоть ты провались.

х х х

Она расчесывает волосы перед зеркалом. Пышные рыжие волосы. На кухне гудит холодильник. Больше никаких звуков,

только иногда под Макаровым скрипнет кресло, когда поменяется положение ног. Это бывает приблизительно раз в час, она специально замечала. О чём можно так упорно думать, о чём?! Постепенно Лена пришла к выводу, что он на самом деле и не думает, просто демонстрирует своё безразличие. Обидно — до слёз. Но что поделать, — сухой и жестокий человек, поставивший своей целью измучить жену. Если так, надо отдать должное, в этом он преуспел. Она больше не может находиться в квартире. Её тошнит от всей обстановки, от постоянного полумрака, но главное — от этой невыносимой оскорбительной атмосферы. Терпение лопнуло. Пока окончательно не свихнулась, срочно что-то предпринять. Сегодня утром позвонила подруге Тане, умной и опытной. Пожалуй, не столько умной, сколько хитрой, впрочем, это не важно. У Тани несколько лет назад тоже были какие-то нелады с мужем /изменял, кажется/, однако, всё само собой улеглось. В семейной жизни она разбирается — ого-го и наверняка дело посоветует.

Причесавшись, Лена подходит к батарее, трогает — чуть теплая. Это ж надо, а? Середина зимы. Поводит плечами, ёжится. Отыскивает в шкафу вязаную кофту. Всё равно холодно. На кухне допивает остаток чая, смотрит на часы. Пора. Возвратившись в комнату, обращается к Макарову:

— Вов, ты не замерз?

Ноль эмоций.

— Накинь плед.

Ну, конечно, разве такой ответит? Ишь чего захотела. Проспешно одевается; и уже из прихожей /и с последней слабенькой надеждой/:

— Я пошла.

Даже не шелохнется. Не слышит? Да всё он слышит... И кого разыгрывает? О, господи.

С силой захлопывает дверь.

В лифте вдруг становится так горько, так горько, что она не может удержаться — слезы ползут по щекам, размазывая косметику.

На скамейке, ~~и~~ возле Таниного дома, второй час подряд плачет Лена Макарова. Раньше не поверила бы, что в человеке может накопиться столько слез. Как и муж, она тоже обращается к Богу, но по-своему, по-женски. Молится, чтобы Он излечил Макарова, и они зажили бы, как все нормальные люди. Да, наверное, и она в чем-то виновата, наверное, не достаточно пыталась понять, вникнуть в его проблемы, но ведь дел по горло. Кто будет готовить, стирать, мыть посуду? Видимо, она глупая и недалекая, но ей всегда казалось, что назначение женщины — постоянно заботиться о муже. Прохожие оборачиваются удивленно. Лена курит сигарету за сигаретой, руки трясутся, и не всегда ей удается сразу ухватить губами фильтр.

Чего там скрывать? Лена заведомо знает, что скажет Татьяна. И её это заведомо не устраивает, ибо несмотря ни на что, она все-таки любит..., больше всего на свете любит своего малого, мрачного, черствого и, вместе с тем, ужасно запутавшегося и потому несчастного Макарова.

...Может, тогда и не ходить?.. — думает Лена, — вернуться домой, и дело с концом. Но как вспомнит неподвижный затылок, мраморное лицо..., этот бородатый манекен, это — нога-та-ногу, и — молчание, молчание, молчание!... Временами кажется, сам воздух издает какую-то особенную, вернее, особенную издевательскую тишину. Нет, поговорить непременно, а там посмотрим. Вытирает слезы. По крайней мере, хуже не будет, уже некуда, стало быть, и терять нечего. Всё. Встает, отряхивает снег с шубы, направляется к подруге Тане, умной и опытной.

Х Х Х

Уход жены нисколько не смущил Макарова и тем более не нарушил ход мыслей. Конечно, он слышал, как Лена собиралась, со звоном накинуть плед, как сказала: "Я пошла", затем в приходил хлопнула дверью. Не отвечал же он вовсе не потому, что специально хотел поглумиться, а просто не придал этому никакого значения. Ну, ушла — и ушла, ну и что?

Размышлял Макаров вот о чем:

Хорошо, представим время и пространство сконцентрирован-

ными в одной точке, размеры которой, логичнее всего предположить, самые мизерные — электрон. Вселенной еще нет, вся вселенная заключена в электроне. Тут же возникает целый ряд вопросов. Например — скорость, цвет, радиус движения, наконец, само его возникновение. Возник-то он тоже не с бухты-бахромы, а — как!? Что послужило толчком? Кроме того, ну ладно, допустим электрон; но за пределами должно же что-то быть?! Вакуум? Но ведь вакуум — тоже что-то, пространство, пустое, максимально пустое, но пространство, тогда, как мы договорились, — оно само заключено в этом электроне. Не говоря уже о времени, с которым получается вообще чёрт-те-что.

Есть другая теория, вкратце сводящаяся к тому, что вселенная возникла не из элементарной частицы, а из колоссально-го сгустка энергии; или — Абсолютного Духа. Правда, и здесь Макаров видит прокол. Во-первых трудно поверить, что планеты, звезды, галактики и прочий сброд имеют в своей основе только энергию, пусть даже духовную, во-вторых... эх, да что, во-вторых!... — запутался и ни с места.

Не своим делом занимаешься, старик. Лучше подумай, куда жена намылилась, — вкрапливается в.г.

Заткнись, сволота! Какая, к лешему, жена, когда тут полная неразбериха. Со своими делами развязаться, уж потом — жена, носки, туфли-шумули...

Который год вместе, и ни бум-бум. Хочет развлечений: кино, гости, концерты. Искала б светского мужа, эдакого напыщенного сноба; темились бы вволю. Ей, видите ли, тоскливо, хамещио. А ему не тоскливо? Только и знает — одеться по модней- да брюхи набить, зацикlena на своем, попытаться понять — и-ни. Он, правда, и сам зациклен, но у него все гораздо руче: глобальные вопросы, без решения которых жизнь бессмыс- енна. Хотя жизнь в любом случае бессмысленна...

Первые года два Макаров любил Лену, и они вроде друг друга понимали; потом, когда стал задумываться... Нет, он, конечно, и до сих пор любит, только любовь какая-то странная, похожа на любовь к собственному телу. Точно! Теперь понял. Лена тело, без которого ему никак, и в то же время духовной близости нет. Вернее, сейчас нет. А раньше? Была? Ну, согласись,

была ведь? - в.г.

Да что ты меня мучаешь, ну была...

Вот именно! Значит, сам виноват. Женщине необходимо внимание, ласка, собственно, что я прописные истины говорю? - сам должен понимать, не маленький. Какого хрена требуешь невозможного? Чихать она хотела на твоё "начало вселенной", на все эти "духовные сгустки", ей любви надо, самой элементарной плотской любви! ~~Помниши~~ Полюбуйся, до чего довел человека: ходит на цыпочках, кашлянуть, вздохнуть боится. Идиот! Плюнет, в конце концов, найдет себе кого-нибудь и будет права. С чем останешься? Что ты умеешь делать, кроме как сидеть нога на ногу, креслом поскрипывать, почесывать бороду, "размыляющи"? Ты же ноль, абсолютный, полный ноль, а "глобальные вопросы" - одна видимость. Начитался всякой восточной ахинеи и с умным видом выдаешь за свое, сам себя за нос водишь. А в действительности? - Вуз бросил, профессии нет, кому ты нужен? Кому? - кроме Ленки. Держись за нее, дубина, кто с тобой еще будет нянчиться? дураков нет. Ты вообще должен ей в ножки упасть, такого монстра терпеть - подвиг!

Ну, знаешь, это слишком. Это уж ни в какие ворота. На секунду расслабился, и - нате: вшивый в.г. черт знает, что позволяет. Иль какие тирады выдает! Обзываются. Не фига себе,.. ! Не фига себе -монстр! Это я-то - Володя Макаров - самая светлая голова... - да за такие слова...

Ага, - проговорился! Оказывается, еще и самовлюблен до предела. ... хочешь честно скажу?

Не хочу.

Нет, все-таки скажу: ишь мучаешь Ленку ради самоутверждения; срываешь на ней досаду от сознания собственной никчемости...

Молчать!

Погоди, еще обвинишь в том, что жизнь тебе сломала. Наша ж на кого-то скинуть. Жизнь и впрямь не удалась, только не з-за Ленки...

Хватит, с-с...! ладно..., хорош, старина...

Правильно, даже злобу не довести до конца. Знаешь ведь, то я - это тоже ты. И тебе доставляет мазохистское удоволь-

ствие рвотные рефлексы взбунтовавшейся совести. Немножко как бы заигрываешь с ней, кокетничашь. А если разобраться, совести-то кот наплакал, - искусственный заменитель. Заместитель, исполняющий обязанности. Ты не можешь быть искренен и с самим собой. Ничего не можешь. НИЧЕГО.

Вот так.

Подытожим. Надеюсь, ты не против, философ? Хотя - какой ты философ? Да и подытоживать, в сущности нечего, не за что зацепиться, когда вместо души - пустота. Или, как говорят физики - вакуум. Или, как говорят астрономы - черная дыра.

Н-и... пошел вон!

Брехня. Духовный / онанизм. Буду жить, как жил, медленно, но верно продвигаясь к поставленной цели. Вероятно, я - один из немногих, избранных, кому дано постигнуть самую суть сущего. Разве можно пренебрегать такой великой возможностью, размениваясь на всякие житейские мелочи? Если сомневаться, мялить, мучить себя понапрасну - понятно, ничего не выйдет; в том-то и штука: хватит ли мужества решительно и бесповоротно отринуть всё окружающее во имя..., во имя... Ах ты, гадина! Ну, чего опять надо? Уж, кажется, решили - нет, неимется. Дурак ты, внутренний голос, вот что я скажу.

Хорошо. Дурак. Но давай последний раз выступлю - и кранты, и нет меня. По рукам?

Ты достал своими выступлениями. И меня, и читателей... всех измучил.

Ну, так по рукам?

Ой, да хоть по ногам! Надоело. Валяй - и проваливай, чтоб цуху...

Короче, мой последний довод: дело, парень, серьезное. Утром Ленка звонила Татьяне - знаешь её. Звонила не просто так - ля-ля-ля - три рубля. Посоветоваться. Типа: как дальше быть. Ну, и что, думаешь, Татьяна насоветует? В монахини идги? В общем, бросай всё к ядрене-фене (подождет твое "Первоначало", никуда не денется) и возвращайся к жизни, да побистрей. Если уже не опоздал, если она вернется сегодня. Возможно, ты ей так опротивел, что и поправить ничего нельзя. Вечер покажет. Запомни, именно сегодняшний вечер.

Печень, почки, аппендикс. Вот оттуда оно пыло, пыло, пыло, пыло. Заостренным, как шпилем. Штилем приглушенного, но, вместе с тем, высокого балла. Жар в горло, в уши, в лицо, дыхание — хп-штр-хоп, и в глаза — туман. Через который проявляется. Очень потихоньку. Некоторое время — замешательство — сомнамбулический привет от Раджа-Йоги, потом — сумка из-под картошки в углу (почему не на кухне, где ей положено быть?). В ней шевелится что-то вроде котенка, нет, это мысли, мыслишки, перемешанные с реальными предметами, вернее, с их отражениями. Фиксация-хренация. Занавески, оказывается, желтые, как цыплята, и мебель расставлена довольно удачно, и вообще в комнате уютно, только вот немного холодно, особенно ногам. Ленка, конечно, была права, плед не помешает... ЛЕНКА... Где? Почему не это самое..? Никаких звуков, кроме — откуда-то снизу: "мечта сбывается пам-па-пам и не сбывается пам-па-пам любовь приходит к нам па-баа порой не тааа". Засов не щелкает. В чем дело? Обычно, когда Ленка возвращается, он так приятно и здорово щелкает — вжж-ик! Борода от чего-то липкая. Интересно, сколько времени? А как быть, если она вообще не звится? Об стенку, что ли головой? Хоть бы немножко о нем подумала! позвонить — не отвалится рука. Смотрит на часы. Ни-его себе щоточки — пол второго ночи. Вдруг кто-нибудь напал? уда бежать, в неотложку? в милицию? А вдруг... никто не напал..., наверное, даже хуже. Как бы там ни было, он не потерпит надругательства, он будет жесток и непримирим, он... ходит по комнате. Сперва ходит, затем бегает, мечется. Коридор, прихожая, кухня. Крупноблоочный гроб. Вешалка, тумбочка — ерт бы ее побрал — путается под ногами, снова комната, стены — гладкая-гладкая, головой — бац! Еще разок — бац! Вот так. в кухне плита — газ пустить? Там, на нижнем этаже, видимо, задъба. Меховая шапка на полу — ногой её! В ванной кафель — более гладкий, и об него тоже — бац! Каждый охотник желает знать где сидит фазан Мутное длинное неразрывное Неразрывное Странно-серое Бремя вакуума Время взрывной волной Из-за крана хлорированное молочко всюду трусы носки рубашки лоснечка и семь повешенных а в зеркале эта рожа эта страшная немытая рожа кухня переполненная сушилка чашка немного

чайник её чайники её чайники чайники чайники ну что-нибудь как
сделать так чтобы что-нибудь чтобы засов щелк в комнату крес-
ло это оно виновато это из-за него сыр-бор ногой хоп-па кро-
вать подушка мамочка ну почему она не идет почему закрыть гла-
за нельзя радуга хлещет по башке что крапива закурить мали-
новый дым малиновые трясущиеся пальцы китайцы малиновый разум
Востока Леночка я тебя умоляю з-з-з-з что это засов нет за-
сов не так засов щелк а тут что-то другое исчезни сейчас же
з-з-з-з Леночка приди пожалуйста с малиновым потолком земле-
грясление неботрясление надломывается вот-вот раздавит глыбами
что же такое всё исчезает папироса люстра окно не приподнять-
ся не встать руки ноги растворились как марганцовка щеки онे-
мили новокайн и только горький едкий малиновый цвет располза-
ется шизонутая вакуоль значит небытие всего-навсего малиновое
он думал другое серое или хотя бы зеленое от слова З зов
ромозгли мозговые запальники несуществующим голосом здравст-
вой Леночка ты пришла меня навестить меня опупевшего зачем
олько з-з-з-з щелки засов не могу больше приди Леночка не
зменяй мне не хочу изменений появись появись появись

Господи! Помоги мне!

Х Х Х

Серый, помятный, занюханный, каждой порой ощущающий пре-
рительно-недоуменные взгляды пассажиров. И почему-то непри-
гно, хотя сейчас-то - казалось бы... Мчится в автобусе, опаз-
дывает на работу. Запотевшие стекла, пар изо ртов. В голове и
желудке одинаково пусто. Не позавтракал - Ленка так и не
пришла. Всю ночь - непонятной, как в фильме ужасов - то ли
ред, то ли сон, то ли преувеличенно черная явь. Пальцы в
м-то вязком, будто проваливаются в пластилин. Очень стран-
ное чувство, раньше такого не было. Хочется вырвать и - ни-
к. В памяти редкие вспышки, тут же, впрочем, затухающие,
регоргающие, как бенгальские огни: газовая плита, ушанка,
мка из-под картофеля... не выстраивается в единый ряд, так,
дельные не связанные эпизоды. А в общем, состояние - при-
рно, как с похмелья, только с некоторой малиновой окраской,

да с ощущением, что Ленки нет.

На работе сменщица — усатая молчаливая старуха вечно в тёмно-зеленом платье — недовольна, еще бы — опоздал на полчаса. Ушла, не попрощавшись.

Макаров сидит, подперев руками подбородок, не отрываясь смотрит в окно на голые верхушки тополей и подъемный кран вдалеке, точно ждет от них помощи. Долго смотрит. Потом встает, ходит по сторожке из угла в угол, курит. В течение дня несколько раз забегают слесаря, прорабы, дворники; о чем-то говорит с ними, пожимает плечами, иногда улыбается. С сантехником Сергеем Ивановичем распивает бутылку "Стрелецкой", закусывая сухарями, луком и непонятно откуда взявшейся ливерной колбасой. Сергей Иваныч — горький алкаш, пропивший все, что можно, всегда в фуфайке прямо на тельняшку и в валенках. Бурые — шея, лицо и руки, из-под заплывших век глаз совсем не видать, и это хорошо. Макарову трудно было бы выдержать чей-то взгляд. А еще хорошо, что с ним не надо ни о чем говорить, сам рассказывает (раз в двухсотый) свою несчастную жизнь, и совершенно неважно, слушают его или нет. Сегодня даже не интересуется, зачем у Макарова борода. После каждой новой дозы Сергей Иваныч крякает, шамкает беззубым ртом, и Макарову приттико с ним, как будто сантехник — единственный во всем белом свете, кто его понимает. Какая-то необъяснимая тяжкая нежность возникает к этому облезлому старику, да такая сильная, что на минуту забываются горести. Но вот бутылка пуста. Макаров снова остается один. За окном набухает потемневшее небо, начинается снег.

Выходит из автобуса. Воздух — сухой, колючий — гудит в ушах. Макаров скользит по узким ледяным дорожкам. Приближающаяся к дому. Ага, в окне свет; таак. С одной стороны — слава югу, наконец-то; с другой... Что говорить? что делать? Главное, не выдать волнение, вести себя как обычно; захочет — мама расскажет.

Поднимается в лифте... в душе булькает злоба... кулаки сжимает. Нет, нельзя. Что за комедия... после того, как она... кем-то... и теперь как ни в чем не бывало — Вовочка-Леночка

ка... Нет, нельзя. Но - как?! Макаров нажимает кнопку "стоп", спускается на первый этаж; тут же, твердо решив что-то, вернее, решившись, снова поднимается. Лифт замирает на седьмом этаже, вместе с ним замирает сердце. Выходит. Останавливается у двери. Переводит почти не существующее дыхание. Пожалуй, самое правильное - молча. Всё молча. Пройдет, сядет; закинув ногу на ногу, уставится в окно - и тю-тю. Что бы она ни объясняла, о чем бы ни спрашивала - ни слова в ответ. Пусть видит, что ему все равно. Понятно, сегодня никакого начала вселенной не светит, он будет лишь имитировать свои мысли, но это не меняет дела. Кстати, постараётся и о ней не думать. Ни о чём не думать... постараётся.

Макаров, резко повернув ключ, открывает дверь, проходит в комнату и - кресло, спасительное кресло. Всё происходит молчаниесно. Лена возится на кухне. Вот, шаги приближаются, уже к пороге, в комнате. Застыают. Только б не обернуться, ни коем случае не обернуться, тогда всё насмарку. О, как шею янет! Ломит, ломает... Не двигаться! - кому сказано! Пёс бы её подрал, эту упрямую рену! Дура любопытная - жену, что ли е видала?! Благодаря колossalному усилию воли, а также отрывшемуся вдруг затылочному зрению, Макаров остается на месте.

Лена переминается с ноги на ногу, трет щеку, снимая нездимые соринки. В небольшой квадратной комнате натягиваются, как первая струна: отношения, воздух, барабанные перепонки. "И мертвые с косами стоять..., и тишина", - вспоминает Макаров. Неизвестно, сколько длится молчание, минуту, десять, может быть, час. Макаров вздрагивает - за спиной шевеление. И находит по комнате, открывает двери, якобы что-то ищет в шкафу. А если и вправду ищет..? - собирается уезжать... от него. Но... он ведь любит, несмотря ни на что - любит! Ни разу не чувствовал так ясно.

Быстро Лена оказывается совсем рядом, со стороны окна ходит кресло, неотвратимо смотрит в лицо. Макаров не готов. Сослабился, упустил такой вариант. Не может выдержать взгляда, закрывает глаза. Понимает - глупо, но другого выхода нет. Кроме того... она не просто смотрит. Она - с явным сознанием

правоты. Вообще не пойми что! Он-то ожидал слёз, раскаяний, оправданий, а тут... наглость какая! Какая неслыханная наглость! Переспала с кем-то, да еще, понимаете ли... Кресло начинает безудержно скрипеть. Странно, вроде сидит, не шевелясь, не меняя позы, а эта чахлая развалюга скрипит и скрипит, притом - резко, надрывно. У-у, зараза! Будь оно проклято! Будь проклято всё на свете! И кресло, и жена, и Макаров, и калкая однокомнатная квартира - трущебный фургон с застрявшими в грязи колесами...

- Ты ничего не хочешь сказать? - как-то неестественно громко и твердо произносит Елена.

- Я?!?! - взрываеться, наконец, Макаров. Вскакивает. Хочет бить, топтать, убивать, - внутри что-то хрустит, потолок опрокидывается вниз, и вот - он лежит на кровати. Не Макаров-тело; а душа - далеко-далеко, словно под наркозом, впитывается в бесконечное, теплое, мягкое...

Тягучее пепельно-серое утро. В одежде на кровати; тесная рубашка подмышки вспилась, щиплет. Слева, накрытая пледом, Ченкина постель, значит... рядом спала? Интересное кино. В комнате холодновато - приоткрыта форточка. Какого лешего она проветривает, ведь почти не топят? Ёжится, стучит зубами. Сейчас бы ~~ишшиш~~ кофейку горяченького - ох, как славно!

Насчет тягучести - да, но пепельно-серое... - это, пожалуй, хватил, ибо - ещё какой-то оттенок, который он в детстве особенно любил. Желтоватый, что ли? Должно быть, из-за дневного света. Нет, этот оттенок явно ~~нинадекватен~~ нынешнему настроению..., типа проблеска; поэтому оно, настроение, не такое уж и хреновое, что вообще-то странно.

Подняться? Выти на кухню? Чай-яичница? Ну-ка... эх, ёлы-палы, сил, оказывается, и нема. Голову к подушке, как магнитом. Ладно. Полежит - такой же будет. Во всяком случае, до Ченкиного прихода... Стоп! Где она? Куда свалила опять? Рискает глазами, ничего не понимает, ничего, кроме одного. А именно: загадочный оттенок, проблеск - есть не что иное, как пока еще едва различимая догадка или отгадка кое-чего весьма существенного. Он не решается сформулировать, боится употре-

бить не то слово, между тем, КОЕ-ЧТО становится все отчетливей и вселяет надежду.

Макаров лежит, широко раскинув руки и ноги, выпускает кольца дыма. Смотрит в потолок. Думает. Так проходит весь день.

Часов в пять, когда на улице темнеет, появляется Лена с сумкой продуктов. Долго что-то делает на кухне, проходит в комнату, не взглянув на Макарова, открывает шкаф, достает свое нарядное платье, исчезает в ванной. Затем в прихожей надевает сапоги, шубу, со всей силы демонстративно хлопает дверью.

Макаров — на стреме. Тут же вскакивает. Напрягается, что упало; осторожно, чтоб не щелкнуть громко засовом, выходит из квартиры, выждав, когда лифт начинает спускаться. Так же осторожно, почти бесшумно, бежит по лестнице, примерно на пол-этажа оставляя лифт впереди. Между вторым и первым прижимается к стене, замирает. Когда за Леной закрывается парадная дверь, Макаров, как тигр, прыжками сбегает вниз, легонько приоткрывает, смотрит в щельку. Медленно удаляющаяся спина; в темноте почти не видно, это ему на руку. На безопасном расстоянии Макаров следует за женой, прячась за деревья и спины прохожих. Добролюбова, Большая Пушкарская, Максима Горького. Там заходит в морожку. Макаров в парке напротив, не отрываясь, лядит на дверь. Вот выходит, оглядывается, делает движение алево, тут же, передумав, направляется в противоположную сторону. И при этом видно, Боже! как видно — никуда не спешит! более того, — и пойти-то некуда. И в телефонные будки не заходит!

Макаров бродит за ней метрах в тридцати. Хочется догнать, бинуть, подхватить на руки, подбросить в воздух. Но нет. Надо кончательно убедиться, что догадка верна, что желтый цвет — зный постоянный в мире. Так они и блуждают по Петроградской, где одинокие заснеженные фигурки. Иногда Лена отдыхает в скамье на улице Бармалеева (почему-то постоянно оказывается на этой и той же скамейке), Макаров пережидает в парадных, греясь, дует на пальцы, сложенные в кулак. Теперь он уверен: именно здесь Лена и провела позавчерашнюю ночь.

По Большому доходят до кинотеатра "Молния". Лена берет билет на двадцать один десять. Какая-то итальянская мелодрама. Собственно, не все ли равно, какая..?

И пока она смотрит фильм, Макаров сидит в кафе "Орбита", небольшими глотками пьет кофе, наблюдая в окно за выходом из кинозала. Над самой головой колонка. Бу-бу-бу - бас-гитара, и чей-то писклявый голосок надрывается: олё-лё-она-моя... В глазах, во рту что-то липкое и такое сладкое-сладкое... Пригорное, давнее, нежное... Макаров вспоминает, как по утрам Лена красит ногти, ресницы, долго и трогательно расчесывает детскую густую рыжую гриву. Конечно, надо выглядеть получше, она же все-таки библиотекарь на абонементе... Завтра Новый год! Вдруг спохватывается Макаров, - а я, осталоп, ничего не понял.

Толпа черной гусеницей выползает из кинотеатра. Он спешит вниз, расталкивая посетителей.

Лена выходит последней. Макаров подскакивает, хватает ее руки. Она вздрагивает, в первую секунду смотрит испуганно. Ругом хлопья сухого снега. Желтого, совсем желтого.

- Не ожидала?

Лена глотает слюну. Открывает рот, хочет что-то сказать, слова не получаются, только:

- Т...т...

Плачет?

Макаров гладит ее по лицу. Мокрые ресницы, или это снежинки так..?

- С наступающим! - говорит Макаров.

Она сжимает его руку и теперь видно - плачет.

- Летом поедем в твою деревню. К Настасье Михайловне. Гдохнем немного.

Лена пропирается головой в его плечо. Всхлипывает.

- Не надо, пойдем, - Макаров целует её в лоб, - завтра будем есть томаты и смотреть "Голубой огонек".